

Зеев Бар-Селла
Книга перемен

Могучая советская детская литература числит в своих рядах немало героев, поднимающихся до мифологических высот. И все они — от Буратино и Незнайки до Айболита и Хоттабыча — продукт западных влияний на русскую культуру.

Исключение — одно и единственное: дядя Степа. Для него западный источник не обнаружен. Не отыскался и какой-либо иной — восточный или отечественный — прецедент.

Хотя попытки предпринимались:

«Любимый всеми с детства добрый великан Дядя Степа, храбрый и великодушный, одним движением руки предотвращающий крушение поездов, как правило, ассоциируется с обликом и личностью самого Сергея Михалкова, и некоторые иллюстраторы поэмы изображают ее главного героя с лицом поэта. Однако, как рассказал <...> директор музея „История пятигорской милиции“ Павел Гавришев, в годы, когда С. Михалков жил в Пятигорске, он мог видеть реального „Дядю Степу“.

Когда в 1927 году семья Михалковых переехала в Пятигорск, будущий классик русской детской литературы, поэт, баснописец, драматург, видный общественный деятель, автор двух гимнов Советского Союза и гимна России Сергей Михалков делал свои первые шаги на литературном поприще. А в 1931 году на улицах города появился милиционер огромного роста — Алексей Федорович Таплинский. Он обладал выразительной внешностью и был ростом два метра десять сантиметров. Ми-

лиционера-гиганта знал и любил весь город — и за необычный рост, и за добрый характер:

— Такая яркая личность не могла не произвести впечатление на молодого поэта, — говорит Павел Гавришев.

Первая публикация знаменитого „Дяди Степы“ состоялась в журнале „Пионер“ за 1935 год. А старший лейтенант милиции Алексей Таплинский прошел войну, потом продолжил службу в милиции вплоть до 1960 года. Его пиджак, сплошь увешанный боевыми орденами и наградами, находится в музее пятигорской милиции и воочию доказывает, каким огромным во всех смыслах был этот человек...»¹

Директор милицейского музея, несомненно, пал жертвой аберрации — стихотворное произведение «Дядя Степа — милиционер» было опубликовано Михалковым в 1954 году. А в 1935 милиция была упомянута лишь единожды и мимоходом:

Мимо булочных и скверов,
Через весь большой район,
Мимо милиционеров,
Шел Степанов-почтальон.

В силу чего, причин видеть в милиционере А. Ф. Таплинском прототип дяди Степы практически не остается.

Истории текста поэмы коснулся в своих мемуарах Владимир Познер:

«...Маршак мне рассказал, что в 1935 году к нему пришел мало кому известный Михалков с детским стихотворением, в котором все издевались над несуразно высоким дядей Степой. Маршак полностью переписал стихотворение и вернул его Михалкову в том виде, в каком все его знают...»²

¹ Брежицкая Е. «Дядя Степа» — жил в Пятигорске // Ставропольская правда. 2010. № 43/44. 5.03. С. 3.

Справедливость слов Познера подтверждают, как будто, воспоминания самого Сергея Михалкова:

«Я познакомился с Маршаком в середине тридцатых годов. В ту пору я сочинял лирические стихи и тексты для песен, довольно часто исполнявшихся с эстрады и по радио. Как поэт-песенник, я получил однажды приглашение от пионерского отдела Московского комитета комсомола принять участие в конкурсе на пионерскую песню. Я отнекивался, ссылаясь на незнание пионерской жизни. „Мы вам поможем“, — пообещала мне энергичная девушка-инструктор. И действительно, через несколько дней с комсомольской путевкой в кармане я выехал в один из пионерских лагерей Подмосковья, где прожил с ребятами около месяца. Вместе с ними ходил в походы, купался, удил рыбу, зажигал пионерские костры.

По возвращении я написал несколько песен и совершенно неожиданно для себя несколько веселых детских стихов, которые снес „на пробу“ в редакцию журнала „Пионер“.

Редактором журнала был Борис Ивантер, талантливейший писатель и журналист, один из неутомимых организаторов детской литературы (он погиб на фронте в первые же месяцы войны). Мои стихи Ивантеру понравились и тогда же (в 1935 году) появились на страницах „Пионера“. Успех меня окрылил. Теперь я дерзнул сочинить целую поэму для ребят. Это был первый вариант „Дяди Степы“. Прочитав поэму, Ивантер сказал:

— Ну вот, теперь вы начали всерьез писать для детей. Надо бы вас познакомить с Маршаком.

Маршак в ту пору жил в Ленинграде. И вот редакция „Пионера“ командирует меня с рукописью „Дяди Степы“ на „консультацию“ к Самуилу Яковлевичу. Это была вторая в моей жизни творческая командировка. Первой я считал недавнюю поездку к пионерам Подмосковья. Признаться, не без душевного трепета в один прекрасный день я входил на Невском проспекте в зда-

² Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: Астрель; АСТ, 2012. С. 318—319.

ние Ленинградского Дома книги, где в нескольких тесных комнатах помещался Детский отдел, возглавлявшийся Маршаком.

Самуил Яковлевич принял меня сразу же. И „Дядю Степу“ прочитал при мне, немедленно. Таков уж был стиль работы в этой редакции, где каждого нового человека встречали так, будто его самого и его рукопись давно уже здесь поджидали. Разговор с Маршаком мне хорошо запомнился. И если впоследствии я не счел своего „Дядю Степу“ случайным эпизодом в литературной работе, а продолжал трудиться для юного читателя, то в этом, может быть, прежде всего заслуга дорогого Самуила Яковлевича.

За „Дядю Степу“ он похвалил меня, но одновременно и пожурил, объяснив, что мой добрый великан Степа Степанов должен еще подрасти духовно. Юмор детских стихов, говорил он, заблестает еще ярче, если вы не боитесь дать простор лирическому чувству. Лирика, как и юмор, одинаково необходимы в детских стихах.

В тот же день Самуил Яковлевич отвез меня в детский клуб, душой которого он был. Несколько десятков одаренных ленинградских ребят, любящих литературу и пробующих свои силы в стихах и в прозе, были воспитанниками этого клуба. Маршак представил меня как молодого московского поэта и заставил прочитать „Дядю Степу“³.

Даже если эти воспоминания правдивы, вопрос о первоначальном облике и дальнейшей эволюции поэмы остается открытым. Поэтому перейдем к тексту.

Все довоенные и многочисленнейшие послевоенные книжные публикации восходят — с некоторыми отличиями — к версии, напечатанной в первом михалковском сборнике «Стихи» (М.: Журн.—газ. объединение, 1936. <Библиотека «Огонек». № 4 (919)> С. 38—46):

³ Михалков С. Листки из блокнота // «Я думал, чувствовал, я жил»: Воспоминания о Маршаке. М.: Советский писатель, 1988. С. 273—274.

Дядя Степа

1

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин,
По прозванию «Каланча».

5 По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

10 Уважали дядю Степу
За такую высоту;
Шел с работы дядя Степа —
Видно было за версту.

15 Лихо мерили шаги
Две огромные ноги,
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

20 Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки.
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернется к зеркалам,
Вся портновская работа
Разъезжается по швам.

25 Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.
Лай собаки поднимали:
Им казалось — лезет вор.

30 Брал в столовой дядя Степа
Для себя двойной обед.

Спать ложился дядя Степа —
Ноги клал на табурет.

Сидя, книги брал со шкапа,
И не раз ему в кино
35 Говорили: «Сядьте на пол!
Вам, товарищ, все равно».

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
Пропускали дядю Степу —
40 Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
45 Как живет.

Потому что всех быстрее
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.
50 И того, кто ростом мал,
На параде поднимал.

Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Степу,
55 Уважали дядю Степу.
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.
Он домой спешит с Арбата.
«Как живешь?» — кричат ребята.
60 Он чихнет — ребята хором:
«Дядя Степа, будь здоров!»

Дядя Степа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настеж <sic!> открывал,
65 Душ холодный принимал.

Чистить зубы дядя Степа
Никогда не забывал.

Мимо милиционеров,
Мимо справочных бюро
70 Доходил Степан до сквера
И сел на метро.

Чтобы ехать на завод
До Крапоткинских <sic!> ворот.

2

Человек сидит в седле,
75 Ноги тащит по земле —
Это едет дядя Степа
По бульвару на осле.

«Вам, — кричат Степану люди, —
Нужно ехать на верблюде!»

80 На верблюде он поехал —
Люди давятся от смеха:
«Эй, товарищ, вы откуда?
Вы раздавите верблюда,
Вам при вашей вышине
85 Нужно ехать на слоне!»

Он к реке идет купаться,
Начинает раздеваться,
По реке Степан плывет,
А с берегов <sic!> кричит народ:

90 «Посмотрите, дядя Степа
Переходит реку вброд!»

Дяде Степе две минуты
Остается до прыжка,
Он стоит под парашютом
95 И волнуется слегка.

А внизу народ хохочет:
«Вышка с вышки прыгать хочет!»

3

100 Паровоз летит, гудит,
Машинист вперед глядит,
Машинист за полустанком
Кочегару говорит:

105 «От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов итти на спор,
Это новый семафор!»

Подъезжают к семафору,
Что такое за обман?
Никакого семафора —
У пути стоит Степан.

110 Он стоит и говорит:
«Здесь дождями путь размыт,
Я нарочно поднял руку,
Показать, что путь закрыт!»

4

115 Что за дым над головой?
Что за гром по мостовой?
На большой пожар пожарных
Срочно вызвал постовой.

120 Дом пылает за углом,
Сто зевак стоит кругом.
Ставит лестницы команда,
Из брандсбойтов тушат дом.

125 Весь чердак уже в огне,
Бьются голуби в окне.
На дворе в толпе ребят
Дяде Степе говорят:

«Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?»
Дядя Степа с тротуара
Достает до чердака,
130 Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает,
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
135 А за ними воробей.

Дяде Степе благодарны.
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

5

140 Но однажды мимо моста
К дому восемь дробь один
Дядистепиного роста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
145 С этим видным моряком?
Он идет.
Скрипят снежинки
У него под каблуком.

В складку форменные брюки,
150 Он в шинели под ремнем,
В шерстяных перчатках руки,
Якоря блестят на нем,

Буквы золотом горят
И проходим говорят,
155 Что идет матрос с линкора
И зовут линкор «Марат».

И моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый.
И ребята тут ему
160 Говорят: «А вы к кому?»

Дядя Степа обернулся
И ответил: «Я вернулся!
Заходите! Сто историй
расскажу вам про акул
165 И про то, как в Черном море
Я двенадцать раз тонул».
И теперь горды ребята —
Пионеры, октябрюта,
Что знакомы с краснофлотцем,
170 С настоящим моряком.

Он домой спешит с Арбата.
«Как живешь?» — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Степу «М а я к о м ».

Уже в первом отдельном издании (М.: Детиздат, 1936) текст претерпел изменения.

В начало 2-й главки (перед строкой 74) вставлена строфа:

Всех томит июльский зной.
Нет ни тучки над Москвой.
Дядя Степа в летнем парке
день проводит выходной.

Строки 80—81 принимают такой вид:

Он поехал на верблюде
и опять смеются люди:

А две следующие строки (83—84):

«Эй, товарищ, вы откуда?
Вы раздавите верблюда,

— устраняются.

И полностью удален фрагмент 86—91:

Он к реке идет купаться,
Начинает раздеваться,
По реке Степан плывет,
А с берегов <sic!> кричит народ:

«Посмотрите, дядя Степа
Переходит реку вброд!»

А вот строфа 136—139:

Дяде Степе благодарны.
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

— изменена и дополнена:

Дяде Степе благодарны.
Он проходит через двор,
«Вы хотите стать пожарным?» —
спрашивает бранд-майор.

Дядя Степа на ходу говорит:
«Во флот пойду!
Я носить на бескозырке
буду красную звезду!»⁴

⁴ В ряде случаев наблюдается также вариативность в пунктуации и делении на строфы. Прочие отличия — лексические:

- 46—48: *Дядя Степа* всех быстрее
без особенных трудов
доставал ребятам змея
64: *настежь окна* открывал
77: по *дорожке* на осле
80—81: *Он поехал на верблюде*,
и опять смеются люди:
100: *Машинист у полустанка*
108: *Видят — вместо* семафора
120—121: *И пожарная* команда

Следующее отдельное издание «Дяди Степы» (М.: Детиздат, 1939) демонстрирует новые перемены в тексте.

Снят фрагмент 68—73:

Мимо милиционеров,
Мимо справочных бюро
Доходил Степан до сквера
И сажился на метро.

Чтобы ехать на завод
До Крапоткинских <sic!> ворот.

Снова подвергся правке фрагмент 80—81; он был возвращен к предшествующему виду, но с одной заменой в строке 81:

Люди давятся со смеха:

А после главки 3-й (98—113) вставлен новый текст:

Что случилось?
Что за крик?
Это тонет ученик.
Он упал с обрыва в реку —
Помогите человеку!

На глазах всего народа
Дядя Степа лезет в воду.

«Это необыкновенно! —
Все кричат ему с моста. —
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места».

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.

Из брандсбойтов *тушит* дом

140: *И* однажды мимо моста

151: *у него* в перчатках руки,

Дядя Степа в этот раз
Утопающего спас.

За поступок благородный
Степу все благодарят.
«Попросите что угодно»,
Дяде Степе говорят.

«Мне не нужно ничего,
Я и так бы спас его».

Зато из следующей (4-й) главки удалены две строчки —
116—117:

На большой пожар пожарных
Срочно вызвал постовой.

И снова переписываются строки 136—139. Последний раз
они выглядели так:

Дяде Степе благодарны.
Он проходит через двор,
«Вы хотите стать пожарным?» —
спрашивает бранд-майор.

Дядя Степа на ходу говорит:
«Во флот пойду!
Я носить на бескозырке
буду красную звезду!»

Первая из двух приведенных строф возвращена к исход-
ному состоянию (с одним разночтением):

Все Степану благодарны:
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

А вторая кардинально переделывается:

Но пожарникам в ответ
Говорит Степанов: «Нет!
Я во флот служить пойду:
Там я тоже подойду».

И, наконец, переписывается конец «Дяди Степы» (162—166) — текст:

И ответил: «Я вернулся!
Заходите! Сто историй
расскажу вам про акул
И про то, как в Черном море
Я двенадцать раз тонул»

заменяется следующим:

И ответил: «Я вернулся.
Ночь не спал. Устал с дороги,
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну.
Надену китель.
На диване полежу.
После чая заходите —
Сто историй расскажу!»⁵

В 1940 году — новое отдельное издание «Дяди Степы» и новые новости!

Во фрагмент 41—45:

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Как живет.

— внесено неожиданное уточнение:

⁵ Прочие отличия можно квалифицировать как орфографические:

27: Лай собаки *подымали*:

33: Сидя, книги брал со *шкафа*,

Где прописан,
Где живет.

Выяснилось, наверное, что гражданин Степанов проживал вовсе не там, где был прописан.

После слов «А внизу народ хохочет: / “Вышка с вышки прыгать хочет!”» (96—97) — вставка:

В тир, под низенький навес,
Дядя Степа еле влез.

Разрешите обратиться,
Получите два рубля!
Я стреляю в эту птицу
И в название корабля!

Оглядев с тревогой тир,
Говорит в ответ кассир:

— Вам придется на колени,
Дорогой товарищ, стать —
Вы же можете мишени
Без ружья рукой достать!

До утра в аллеях парка
Будет весело и ярко,
Будет музыка греметь,
Будет публика шуметь.

Дядя Степа просит кассу:
— Я пришел на карнавал.
Дайте мне такую маску,
Чтоб никто не узнавал!

Вас узнать, довольно просто, —
Раздается дружный смех, —
Мы узнаем вас по росту:
Вы, товарищ, выше всех!

Во вставке же 1939 года (о спасении школьника Васи Боро-
дина) —

«Мне не нужно ничего,
Я и так бы спас его».

— произведена замена размером в одно слово:

«<...> Я *задаром* спас его».

Здесь, видимо, проглянул намек на то, что не все свои до-
брые дела дядя Степа совершает бескорыстно.

А дважды переделанная строфа 136—139 переписывается
в третий раз. Теперь последние строчки читаются так:

«<...> Я во флот служить пойду:
Если ростом подойду».

Засим следует внушительное дополнение:

В коридоре смех и топот,
В коридоре гул речей.
В кабинете — дядя Степа
На осмотре у врачей.

Он стоит. Его нагнуть
Просит вежливо сестра.
— Мы не можем дотянуться, —
Объясняют доктора. —

Всё, от зрения до слуха,
Мы исследуем у вас:
Хорошо ли слышит ухо,
Далеко ли видит глаз.

Дядю Степу осмотрели,
Проводили на весы
И сказали: — В этом теле
Сердце бьется, как часы!
Рост велик, но ничего —
Примем в армию его!

Вы в танкисты не годитесь:
В танке вы не поместитесь!
И в пехоту не годны:
Из окопа вы видны!

С вашим ростом в самолете
Неудобно быть в полете:
Ноги будут уставать —
Вам их некуда девать!

Для таких, как вы, людей
Не бывает лошадей,
А на флоте вы нужны —
Послужите для страны!

— Я готов служить народу, —
Раздается Степин бас. —
Я пойду в огонь и в воду!
Посылайте хоть сейчас!

На этом всё — довоенные приключения текста закончены!
Какие выводы можно сделать из наблюдений над переменами в тексте поэмы?

Ну, во-первых, об открытости Михалкова посторонним влияниям.

Иногда она сказывалась немедленно (161 — 166):

Дядя Степа обернулся
И ответил: «Я вернулся!
Заходите! Сто историй
расскажу вам про акул
И про то, как в Черном море
Я двенадцать раз тонул».

Сравним:

Он пятнадцать раз тонул,
Погибал среди акул...

Это песенка на слова В. И. Лебедева-Кумача «Жил отважный капитан...» из кинофильма «Дети капитана Гранта» (1936).

Иногда — десятилетие спустя:

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.

Откуда мальчик? Из стихотворения Александра Введенского «Кто?» (1929):

А является один
Восьмилетний гражданин,
Восьмилетний гражданин —
Мальчик Петя Бородин.

Напечатайте в журнале,
Что
Наконец-то все узнали,
Кто
Три тарелки, два котла
Сбросил на пол со стола
И в кастрюлю с молоком
Кинул клещи с молотком...

...

Только Петя Бородин —
Он.
Виноват во всем один
Он.
И об этом самом Пете
Пусть узнают все на свете.

Но это лишь два эпизода из многих добавленных...

Можно отметить и случай, когда добавление вступает в противоречие со старым текстом: медкомиссия рассматривает возможности использования дяди Степы в вооруженных силах. И оказывается, что в танкисты, пехотинцы, летчики и кавалеристы он не годен. Перебрав все варианты, комиссия решает направить дядю Степу во флот.

Но читатель знал об этом до всякой медкомиссии, поскольку дядя Степа свое желание уже высказал:

Я во флот служить пойду:
Если ростом подойду.

Читатель знал, а Михалков запомнил...

Остается ответить на главный вопрос: каков сюжет поэмы?

Ответ напрашивается сам собой: кроме поступков, вызывающих смех (езда на осле и верблюде, посещение тира, прыжок с вышки, безуспешные попытки остаться неузнанным), дядя Степа совершает и иные: предотвращает крушение поезда, спасает голубей при пожаре, а в поздних редакциях — тонущего мальчика. Короче, дядя Степа — чудесный спасатель. А если сделать еще один шаг — в сторону архетипов — Спаситель.

Сегодняшние наследники Михалкова с такой трактовкой образа, наверное, согласились бы. Но — увь...

Первой книжной публикации 1936 года предшествовала журнальная — 1935-го⁶:

Дядя Степа

1

В доме восемь дробь один,
У заставы Ильича,
Жил высокий гражданин,
По прозванию «Каланча».

5 По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

10 Уважали дядю Степу
За такую высоту:
Шел с работы дядя Степа —
Видно было за версту.

⁶ Пионер. — М. 1935. № 7 (апрель). С. 11—12.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги —
15 Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки.
Он разыскивал штаны
20 Небывалой ширины.
Купит с горем пополам,
Повернется к зеркалам —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам.
25 Брал в столовой дядя Степа
Для себя двойной обед.
Спать ложился дядя Степа —
Ноги клал на табурет.
Сидя, книги брал со шкапа.
30 И не раз ему в кино
Говорили: «Сядьте на пол:
Вам, товарищ, все равно».

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
35 Пропускали дядю Степу,
Думали, что чемпион.
От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
40 Где прописан, как живет.
Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов,
45 Мяч футбольный надувал,
С елок шишки доставал
И того, кто меньше ростом,
На параде поднимал.

Все любили дядю Степу,

50 Уважали дядю Степу,
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.
Он домой спешит с Арбата.
«Как живешь?» —
55 кричат ребята.
Он чихнет —
ребята хором:
«Дядя Степа, будь здоров!»

2

Мимо булочных и скверов,
60 Через весь большой район,
Мимо милиционеров,
Шел Степанов-почтальон.
Он стучался утром в раму
С черной сумкой на боку,
65 В черной сумке телеграммы
Из Батума, из Баку.

Пишут с озера Балхаш,
Сообщите, где багаж.
Подавал он телеграмму
70 Прямо во второй этаж.
Все любили дядю Степу,
Уважали дядю Степу,
Поругаются ребята —
Он рассудит, кто неправ.
75 Он домой спешит с Неглинной,
Все кричат: «Здорово, длинный!
Почему нам нету писем,
Дядя Степа-„телеграф“?»

3

80 Паровоз летит, гудит,
Машинист вперед глядит,
Машинист у полустанка
Кочегару говорит:

«От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
85 Но готов идти на спор —
Это новый семафор!»
Подъезжают к семафору —
Что такое за обман?!
Никакого семафора —
90 Это стрелочник Степан.
Пропустил Степан вагоны,
Опустил флажок зеленый
И пошел. И с этих пор
(Он домой спешит с работы),
95 Только выйдет за ворота.
Малыши кричат: «Здорово,
Дядя Степа-„семафор“!»

4

Так и прожил дядя Степа
У заставы много лет.
100 Вдруг пропал...
И дяди Степы
Месяц нет...
Полгода нет...

Говорят ребята: «Странно,
105 Что не видно великана,
Где он прячется от нас?»

Только видят как-то раз:
Мимо каменного моста
К дому восемь дробь один
110 Дядистепиного роста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
С этим бравым моряком?
Он идет...
115 Скрипят снежинки
У него под каблуком.
В складку форменные брюки,

Он в шинели под ремнем.
В меховых перчатках руки,
120 Якоря блестят на нем.
Буквы золотом горят
И проходим говорят,
Что идет моряк в линкора
И зовут линкор «Марат».

125 Он отвык ходить по суше,
Он бывал на всех морях,
Бил из дальнобойных пушек
На военных кораблях!

130 Ветер лентами играет,
Треплет ленты за спиной.
Он ребят не замечает,
Он проходит стороной,
Он подходит прямо к дому,
Всем ребятам незнакомый *<sic!>*.

135 И ребята тут ему
Говорят: «А вы к кому?..»

Обернулся дядя Степа,
Отвечает: «Я домой».
Улыбнулся,
140 Повернулся,
Дверь захлопнул за собой...

И теперь горды ребята —
Пионеры, октябрюта, —
Что знакомы с краснофлотцем,
145 С настоящим моряком.
Он домой спешит с Арбата.
«Как живешь?» — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Степу «Маяком».

Из 2-й главки выжили лишь четыре первые строчки (59—62) и две предпоследние (75—76), но и они были основательно переделаны:

Мимо милиционеров,
Мимо справочных бюро
Доходил Степан до сквера
И сажился на метро.
...
Он домой спешит с Арбата.
«Как живешь?» — кричат ребята.

Зато всё, что между ними, безжалостно устранено. Причина очевидна:

Мимо булочных и скверов,
Через весь большой район,
Мимо милиционеров,
Шел Степанов-почтальон.
Он стучался утром в раму
С черной сумкой на боку,
В черной сумке телеграммы
Из Батума, из Баку.

Школярское подражание маршаковской «Почте» (1927) бросалось в глаза:

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне...
...
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

У него
Сегодня много
Писем
В сумке на боку —
Из Ташкента, Таганрога,
Из Тамбова
И Баку.

Относительно же сюжета — вывод однозначен: ничего, что связано со спасательными работами, в первопечатной редакции поэмы нет.

Вместе с тем, ранняя редакция выгодно отличается от всех последующих — прозрачностью композиции. В 4-х ее главках описываются четыре этапа жизни дяди Степы. И в каждой главке дается характеристика героя. Причем в главках 2—4 характеристика эта итоговая, т. е. констатирующая произошедшие с дядей Степой перемены.

1. Жил высокий гражданин,
По прозванию «Каланча».
2. Дядя Степа-«телеграф»
3. Дядя Степа-«семафор»
4. И теперь зовут ребята
Дядю Степу «Маяком».

С прозвищем «Каланча» проблем нет: пожарная каланча для того и возведена, чтобы быть *выше всех* окружающих домов.

Почтальон разносит письма, но в случае дяди Степы упомянуты только *телеграммы* — отсюда прозвище «Телеграф».

Стрелочника Степанова машинист принял за новый *семафор*...

Зато последнее наименование из ряда выпадает. Дядя Степа служил на линкоре «Марат», а на кораблях всегда имеется предмет, которому можно уподобить верзилу, — это мачта (на «Марате» их было даже две: грот- и фок-мачта равной высоты). И плавал дядя Степа так долго, что «отвык ходить по суше». Маяк же указывает путь кораблям, а во всем остальном сооружение сугубо сухопутное.

Однако, прозвище «Маяк» — это заключительный аккорд поэмы, несущий особую смысловую нагрузку: в первой книжной публикации лишь это слово напечатано вразрядку.

на коротышке

тue Campagne-Premiere

Мне жмет.

Статье предпослан эпиграф из Маяковского:

Кличет книжечка моя:

— Дети, будьте как маяк!

И это не просто цитата из стихов поэта, но из стихов Маяковского, адресованных *детям* — «Эта книжечка моя про моря и про маяк» (1925).

А в книжке воспоминаний Кассиля о Маяковском мы находим и такое:

«Круто завернув, он входит в теснину одного из переулков Замоскворечья. И москворецкие мальчишки, сразу заметив, что идёт по их улице настоящий великан, кричат ему вдогонку, как кричат обычно всем очень высоким людям:

— Дяденька, достань воробушка!

Маяковский разом останавливается и, глядя, полуобернувшись, через плечо сверху на ребят, с вежливой улыбкой, чуточку склоняясь, осведомляется:

— А орла не хотите?

Опешили мальчишки».

Герой назван — «настоящий великан»! Да и подвиги дядя Степа совершает аналогичные:

Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов,

Почему «снимал»? А потому, что нужное слово мы находим через строку:

С елок шишки доставал

С 1936 года шишки более не упоминаются, и ничто не мешало положение исправить:

Дядя Степа всех быстрее
без особенных трудов
доставал ребятам змея

Кроме того появился дополнительный эпизод (129—135):

Дядя Степа с тротуара
Достает до чердака,
Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает,
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними воробей.

Это объясняет зачем в голубятне поселился воробей — дядя Степа *достал воробушка*.

Маяковский служит ключом и к двум именованиям героя поэмы. Имя и фамилия —

По фамилии Степанов
И по имени Степан...

— инспирированы стихами Хлебникова о Маяковском, впервые опубликованными в 1933 году:

Именем равный отцу!⁸

«Степан Степанов» — структурный двойник имени и отчества Владимир Владимирович.

А «дядя Степа» может восходить к заключительной строфе стихотворения «Эта книжечка моя про моря и про маяк»:

⁸ Хлебников В. «Трижды Вэ, трижды Эм!..» // Хлебников В. Собрание произведений / Под ред. Н. Степанова и Ю. Тынянова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. Т. V (1933). С. 92.

Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова
и рисуночков наброски
сделал
 дядя

Маяковский.

И еще одно соображение: поэма «Дядя Степа» была напечатана в первой половине апреля 1935 года — максимально приближенно к дате 5-й годовщины смерти Владимира Маяковского, 14 апреля⁹.

Но тут, однако, обнаруживается досаднейшее несоответствие: статья Льва Кассиля «Маяк» была напечатана 14 апреля, но год спустя *после* появления «Дяди Степы»¹⁰. А эпизод с великаном и воробушком — и вовсе опубликован в 1960 году¹¹!

Так, быть может, это Кассиль вдохновлялся «Дядей Степой»?!

Едва ли — обнаружить Маяковского в «Дяде Степе» без кассилевской подсказки практически невозможно. К тому же Кассиль начал вспоминать о своем великом друге до 1935 года¹² и в 1940-м обнародовал уже цельную великанскую мифологию его образа¹³:

⁹ Заслуживает специального внимания удивительная советская склонность отмечать именно дни окончания земного пути — упомянем всесоюзное празднование столетия смерти Пушкина (1937) и ежегодные торжественные церемонии в день смерти Ленина. Свое завершение культ смерти получил в грандиозном ритуале массового жертвоприношения на похоронах Сталина.

¹⁰ Известия. 1936. № 86. 14.04. С. 4.

¹¹ Кассиль Л. Маяковский — сам: Очерк жизни и работы поэта. М.: Детгиз, 1960. С. 112.

¹² Кассиль Л. Н Жизнь на трибуне // Пионер. — М. 1930. № 14. Май. С. 13—14;
Он же На капитанском мостике // Альманах с Маяковским. М.: Советский писатель, 1934. С. 251—256;

Он же [Речь] // Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934 / Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 172;

Он же Сплошное сердце // Известия. 1935. № 88. 12.04. С. 4;

Он же Ласка и лозунг // Пионерская правда. 1935. № 49. 14.04. С. 4.

¹³ Кассиль Л. Маяковский — сам. М.—Л.: Изд-во детской книги, 1940.

[Тифлис, 1910-е гг.]

«А навстречу уже бросается целая ватага большеглазых шумных загорелых юношей.

— Гагимарджос, Володя! Здорово, **Маяк!** Здравствуй! Геноцвали!

И **высокого** обнимают, теребят за желтую кофту: **до-тягиваясь**, хлопают по широкому плечу»¹⁴.

«Товарищ Константин <партийная кличка Маяковского. — Б.-С.> выходит на волю, не зная, что у него уже есть и другое прозвище: **Высокий**. Так пишут о Маяковском следовавшие за ним на улице филеры, тайные агенты царской охранки»¹⁵.

Но Маяковский не просто высок — он из породы великанов:

«Отец — лесничий Владимир Константинович Маяковский, **высокий** бородатый человек, шумный в веселье и гнев... <...> **Силач**, он одной вскидывает на голову бочонок с вином. Когда он сердится, **голос его хорошо слышен на том берегу Ханис-Цхали**»¹⁶.

«Бурлюку нравится его новый приятель, **большеголовый, большелапый**»¹⁷.

«Он **сотрясает своими шагами** пол эстрады»¹⁸.

«Грохая тростью в асфальт, легко обгоняя попутных, круто обходя встречных, неся широкие плечи **над голо-**

То, насколько непросто был детский писатель Лев Кассиль, показал Александр Гольдштейн в своем разборе «Вратаря Республики» (Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом: Опыты поминальной риторики. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 198—220.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ Там же. С. 20.

¹⁶ Там же. С. 8—9.

¹⁷ Там же. С. 28.

¹⁸ Там же. С. 74.

вами прохожих, шагает Маяковский по Москве — твердо и размашисто. За ним в толпе завиваются воронки, как в воде за пароходом»¹⁹.

«**Перемахивая через три ступеньки**, взбегает по крутой леснице редакции „Комсомольской правды“»²⁰.

«Две серьезные девочки расчертили тротуар „классами“ и, прыгая на одной ноге, гоняют из клетки в клетку, носком подталкивая, камешек-кремешок. Вдруг большая размашистая тень покрывает все классы. Девочки от неожиданности становятся на обе ноги, но **большие ботинки** на мягкой каучуковой подошве осторожно ступают прямо из первого класса в последний и бережно обходят кремешок, чтобы не сбить его в „огонь“. Гогочет **где-то над головами** бас: „Ну, гожусь я в классики?“ И рука высокого прохожего мягко скользит по макушке одной из девочек. <...>

Какую строгую и понимающую ребят любовь несет в себе этот суровый на вид **саженный** человек, придумавший чудесные строчки о „плоховатом мальчишке“ и о „тучкиных штучках“»²¹.

«И ворочает **саженным** плечом, словно впряженный в какие-то **огромные** оглобли <...>»²²

Так что ключ к «Дяде Степе» все-таки лежал в кармане Льва Кассиля. И на каком-то литературном вечере памяти Маяковского (быть может, не одном) из уст Кассиля усвоил эту великанскую мифологему Михалков.

Маяковский как прототип дяди Степы позволяет также понять смысл претензий и заветов Маршака.

¹⁹ Там же. С. 100.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ Там же. С. 117—118.

²² Там же. С. 145.

«За „Дядю Степу“, — вспоминал Михалков, — он <Маршак. — Б.-С.> похвалил меня, но одновременно и пожурил, объяснив, что мой добрый великан Степа Степанов должен еще подрасти духовно. Юмор детских стихов, говорил он, заблещает еще ярче, если вы не побойтесь дать простор лирическому чувству. Лирика, как и юмор, одинаково необходимы в детских стихах»²³.

Владимир Познер, со слов Маршака, свидетельствует, что первоначальным содержанием стиха было описание того, как «все издевались над несуразно высоким дядей Степой»²⁴.

Так, видимо, Михалков художественно отобразил то, что в советском литературоведении именовалось «травлей Маяковского».

Не обошел эту тему и Лев Кассиль:

«В киосках продают журнал. В нем ругательные статьи, карикатура: большеротый верзила, нахально прущий поперек литературы»²⁵.

«Он идет сквозь шум движений, в солнечных отблесках витрин, ровным, упругим шагом пересекая улицы. <...>

Он идет, а за ним, подглядывая из-за угла, волочитя сплетня, гочет, вприпрыжку подскакивает анекдот:

— Маяковский... Сегодня в одной редакции ему денег не заплатили, так он три стола в щепки разбил, кассира на чердак загнал. А вчера, говорят, памятник Пушкина подпилить хотел!..

Он даже не обирает с себя где-то там за ушами, за тылком налипающую паутину. Он шагает, бормоча еще не совсем вылупившиеся строки новых задуманных стихов. Он идет неторопливо, но стремительно и уверенно туда, где его ждут, где он очень нужен, где знают, что Владимир Владимирович Маяковский не только „агита-

²³ Михалков С. Листки из блокнота... С. 274.

²⁴ Познер В. В. Прощание с иллюзиями... С. 318.

²⁵ Кассиль Л. Маяковский — сам. М.—Л.: Изд-во детской книги, 1940. С. 102.

тор, горлан, главарь”, но верный друг, нежный, скромный и застенчивый, человек непотухающей внутренней теплоты»²⁶.

«Как-то он сосет конфету в перерыве после выступления. И какая-то девица — губы бантиком, — подметев к нему, щебечет:

— Смотрите, как смешно: Маяковский, такой большой, — и вдруг сосет такую маленькую конфеточку!

— А вы что же, хотите, чтоб я, по-вашему, тарелки глотал, столы жевал?!»²⁷

Последний эпизод уже напоминает реакцию горожан на попытки дяди Степы жить обычной жизнью. Но издевательства в поэме, как будто, нет...

Впрочем, в 1939 году на спасение Васи Бородина публика реагирует так:

«<...> Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места».

Единственная возможная ассоциация — русская поговорка: «*Пьяному море по колено, а лужа по уши!*»

А в 1936 году гуляющие в парке кричат дяде Степе (82 — 83):

Эй, товарищ, вы откуда?
Вы раздавите верблюда...

Это как понять? Что за вопрос?
Вариантов ответа два:

«Вы откуда? — *С луны свалились?*»

Такой вопрос задают, уличая в незнании чего-то общеизвестного. Правила езды на верблюде к этой категории не относятся.

Вариант второй:

²⁶ Там же. С. 116—117.

²⁷ Там же. С. 108—109.

«Вы откуда сбежали — из сумасшедшего дома?»

Здесь Михалков проявил знание биографии Маяковского и истории русского футуризма.

На премьере трагедии «Владимир Маяковский» в петербургском «Театре Луна-парк» 2 декабря 1913 года публика неистово свистала, шумела, кричала: «Маяковский дурак, идиот, сумасшедший». Рецензент «Петербургского листка» Н. Россовский свой отклик озаглавил: «Спектакль душевнобольных». В миниатюре В. Валеско и М. Багракурди «Футуристы. Глядилище в 1 действии с завывами и скакалками» (1915) появляется футурист, сбежавший из клиники для душевнобольных²⁸.

А в 1914 году вышли две книги, основанные на публичных лекциях прочитанных годом раньше и оценивавшие футуризм с точки зрения психопатологии²⁹.

Скорее всего, и вопреки тому, что говорил об этом сам Маяковский, демонстрацией особого рода была и знаменитая «желтая кофта» — вызов тем, кто стремился упрятать футуристов в «желтый дом»³⁰.

Видимо, в своих публичных выступлениях касался темы безумия и Кассиль. По крайней мере, печатно он изъяснялся так:

«Кому же был непонятен этот великий поэт революции? Вы, наверное, помните — в комедии Грибоедова „Горе от ума“ враги Чацкого пустили сплетню, что он — сумасшедший... Вот так враги новой революционной поэзии пытались внушить читателям, что Маяковский непонятен»³¹.

²⁸ Шаргородский С. Безумство храбрых // Радин Е. П. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2011. PDF. Факсимильное изд. С. VIII: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2775>

²⁹ Радин Е. П. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. СПб., 1914; Закржевский А. Рыцари безумия (футуристы). Киев, 1914.

³⁰ Демиденко Ю. «Надену я желтую блузу...» // Хармсиздат представляет: Авангардное поведение. Сб. материалов. СПб.: Хармсиздат, 1998. С. 65—76.

³¹ Кассиль Л. Ласка и лозунг // Пионерская правда. 1935. № 49. 14.04. С. 4.

Но юмористические эпизоды появляются лишь в книжных изданиях «Дяди Степы». Означает ли это, что их не было в допечатной редакции?

По крайней мере, двумя примерами реанимации Михалковым собственных текстов мы располагаем.

Пассаж (162—166), навеянный «Детьми капитана Гранта», в 1939 году заменен следующим:

И ответил: «Я вернулся.
Ночь не спал. Устал с дороги,
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну.
Надену китель.
На диване полежу.
После чая заходите —
Сто историй расскажу!»

Строка, выделенная курсивом, — вариация на тему журнальной редакции 1935 года (125):

Он отвык ходить по суше,

Второй пример — в сочинении 1954 года «Дядя Степа — милиционер»:

Рассуждать Степан не стал —
Светофор рукой достал,
В середину заглянул,
Что-то где повернул...

В это самое мгновение
Загорелся нужный свет.

...

Нам ребята рассказали,
Что Степана с этих пор
Мальши в Москве прозвали:
Дядя Степа — Светофор.

Перед нами слегка перелицованный фрагмент журнальной публикации 1935 года (93, 96—97), никогда более не воспроизводившийся:

...И с этих пор
<...>
Мальши кричат: «Здорово,
Дядя Степа-«семафор»!

Поэтому вполне возможно, что добавленные позднее юмористические эпизоды присутствовали уже в самой ранней редакции поэмы. Мэтр детской литературы их оттуда удалил, и Михалков возражать Маршаку не решился. Но в 1936 году Михалков приобрел писательский вес и возвратил в поэму сначала один выброшенный кусок, а затем и остальные.

Теперь вернемся к самому началу:

В доме восемь дробь один,
У заставы Ильича,
Жил высокий гражданин,
По прозванию «Каланча».

А вот стишок, слышанный мною в далеком детстве, в начале 50-х:

Возле каменной реки
Водяного моста
Шел высокий господин <sic!>
Маленького роста.

Он кудрявый, без волос,
Тоненький, как бочка,
У него детишек нет,
Только сын и дочка.

Можно думать, что своим возникновением этот стишок обязан «Дяде Степе», но такое предположение снимается наличием четко датированной литературной производной: стихотворения «Чепуха», опубликованного 27 января 1905 года

в петербургском журнале «Зритель», — первого произведения подписанного именем «Саша Черный».

Трепов — мягче сатаны,
Дурново — с талантом,
Нам свободы не нужны,
А рейтузы с кантом.

...

Разорвался «апельсин»
У Дворцова моста...
Где высокий господин
Маленького роста.

Сей высокий человек
Едет за границу;
Из Маньчжурии калек
Отправляют в Ниццу.

...

Высшей милостью труха
Хочет общей драки...
Всё на свете чепуха,
Остальное враки³².

Так чем же, в конце концов, поэтически вдохновлялся Михалков — Сашей Черным или детской нелепицей?

Сравним:

Возле каменной реки
Водяного моста
Шел высокий господин
Маленького роста.

³² Последняя строфа — реплика на еще одно произведение детского фольклора:

Чепуха, чепуха,
Это просто враки!
Куры съели петуха, —
Говорят собаки.

Рано утром, вечером,
Поздно на рассвете
Баба ехала пешком
В ситцевой карете *etc.*

А это «Дядя Степа» — 4-я главка журнальной редакции
(108—111):

Мимо *каменного* моста
К дому восемь дробь один
Дядистепиного роста
Двигается гражданин.

Больше вопросов не имею.